

Т. А. Сидорова , Е. Н. Егорова

НЕПРИЛИЧНОСТЬ КАК ВЕДУЩИЙ ФАКТОР ИНВЕКТИВИЗАЦИИ РЕЧИ

Инвективизация речи понимается нами как один из механизмов юридизации языковых средств. Понятие «неприличная форма» до сих пор определяется неоднозначно . Принято считать, что *«неприличная форма»* – это наличие высказываний в адрес гражданина, содержащих оскорбительную, непристойную лексику и фразеологию, которая оскорбляет общественную мораль, нарушает нормы общественных приличий. Эта лексика в момент опубликования текста воспринимается большинством как недопустимая в печатном тексте. Согласно этой дефиниции неприличная форма выражается только посредством лексических и фразеологических средств. Но как показывает опыт проведения судебных лингвистических экспертиз, в формировании категории неприличности участвуют и другие средства. Например, зевгматические сочетания, стилистические приемы иронии, бурлеска, метафоры и др. могут нанести большее оскорбление, нежели прямая инвектива . Мы исходим из положения о том, что в конкретном дискурсе неприличность объективируется не только собственно языковыми, но и дискурсивными средствами. Полагаем, что важным аспектом неприличности является демонстративная направленность языкового средства на нарушение табу . При этом следует учитывать отклонение от нормы со знаком «плюс» (как специальный прием эстетических намерений автора) и отклонение от нормы со знаком «минус» (как прием актуализации стратегии дискредитации личности). Например, в статье *«Экс-губернатор: Дорогая пропaja»* («Руснорд» от 21–27 апреля 2008) для реализации стратегии дискредитации Н.И. Киселева автор использует следующие речевые тактики, маркируемые различными языковыми средствами, которые вне контекста следует признать «приличными»: высмеивание (*«дорогая пропaja», «не боец», «как государственные мужи» и др.*), намек (пресуппозитивные формы информации, прецедентное имя Киркоров, неполные предложения и т.п.), драматизация (*«вдруг на человека еще и педофилию навесят»*), сравнение (*«звезда уровня Киркорова»*), приращение смысла (*«такой человек», «кормушка»*), использование просторечной лексики (*«шиши, ущучить»*) и др. Языковые средства, названные выше, формируют иронично-насмешливый тон статьи. Сценарий статьи маркирует наличие в ней вербальной дискредитации (подрыв авторитета, умаление значимости как экс-губернатора, подрыв доверия к Н.И. Киселеву как к советнику губернатора).

О степени неприличности следует сказать особо. Попробуем представить своего рода «шкалу», которая отражала бы интенсивность фраз («напряженность» высказываний). **От высокой** – «явно циничная форма» – **до средней / умеренной** – «неприличная по содержанию форма». Такая града-

ция неприличности коррелирует со **степенью воздействия**. Но прежде стоит отметить, что **в разных контекстах и ситуациях, по отношению к разным лицам и в употреблении разных лиц одно и то же слово на шкале доста-точно легко меняет свое место.**

1. Явно циничная форма.

Толковый словарь Ожегова (на который так любит ссылаться суд) трактует слово «цинизм» как *«наглое, бесстыдное поведение и отношение к чему-нибудь, проникнутое пренебрежением к нормам нравственности и благопристойности»* [Ожегов, 1999, с. 875]. Цинизм проявляется в ситуациях, когда человек ощущает **собственную безнаказанность, в языке есть устойчивое выражение «циник – второе имя тирана».**

Циничная (а тем более «явно циничная») форма – синоним непристойности, но непристойность не предполагает умышленности, а цинизм предполагает . Именно поэтому в нашей шкале *«явно циничная форма»* занимает ве-дущее место . Поскольку циничное высказывание – это обдуманное речевое воздействие, направленное не только на эмоциональную сферу, но (прежде всего) на интеллект объекта речи.

Например, S1 публично оскорблял S2: *«Козлы, п.....сы , **нацепили погоны, морды отъели, вам все позволено**, а также угрожал S2 физической расправой: *«Я тебе разобью голову и выпущу кишки» / «Если встретимся в баре, то я тебя изобью ».* Из материалов экспертизы видно, что интенсивность фраз отрицательного характера увеличивалась, а поскольку значение произнесенных слов синонимично, то можно предположить присутствие градаци-онной (нарастающей) структуры высказывания, то есть высокую силу оцен-ки.*

2. Неприличная по внутренней форме (реализующая идею насмешки, сарказма, унижительный образ сравнения). Второе место в нашей «шкале » по степени тяжести воздействия занимают неприличные по внутренней форме слова и выражения. Во-первых, потому что это (как и в первом случае) намеренное (умышленное) речевое воздействие на интеллектуальную сферу (например, прием оживления внутренней формы слова). Во-вторых, посредством языковой игры (деформации языка), часто окказиональных выражений происходит гиперболизация («выпячивание») какого-либо недос-татка, негативной характеристики объекта речи и внушение ложного образа. При этом читатели лучше запоминают адресатов-персонажей публикаций, а отрицательное воздействие осуществляется длительный период. Так, в статье *«Огнемет, бюджет, любовный треугольник»* (газета «Правда Северо-Запада» от 12 октября 2005 г.) содержится следующее окказиональное образование в контекстуальном окружении: *лучшие силы прокуратуры были брошены на разбирательство этой **пододеяльно-наволочной** истории.* В заключительной части данной газетной публикации появляется лексическое «изобретение» для реализации следующего смысла: *лучшие силы прокуратуры могут расследовать лишь **интимные** ребусы подобного любовного тре-*

угольника. Сложение двух слов образует семантическую конструкцию, которая в переносном значении используется автором статьи. Данный **прием эво-кации** основан на прочных ассоциативных связях: *пододеяльник, наволочка* – ‘постельные атрибуты’, которые актуализируют фоновое знание, стоящее за выражением ‘копаться в грязном белье’. Интересно заметить, что создатель текста активно пользуется психологическим эффектом *края*, т.к. финальная позиция окказионального образования **пододеяльно-наволочная история** соотносится с препозицией и смыслом заглавия «Огнемёт, бюджет, **любовный треугольник**».

3. Табуированная непристойная лексика, неприличная по форме (например, жаргонная, арготическая, просторечная, имеющая стилистические пометы «пренебрежительное», «уничижительное» и т.п.).

Инвективу в узком смысле слова В.И. Жельвис определяет «как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной подгруппе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать словесное нарушение этического табу, осуществлённое неcodифицированными (запрещёнными) средствами» [Жельвис, 2001, с. 13].

Но использование непристойной и неприличной лексики **в некоторых случаях (помимо <словесного оскорбления>)** не имеет умысла, адресной направленности, а употребляется, как отмечают исследователи, в качестве эмоционального усилителя речи, как способ общения (для некоторых носителей языка, в том числе перенесших тяжёлые заболевания после операции на мозге), как способ языкового приспособления к ситуации, для снятия стресса, в трагических обстоятельствах (на границе между жизнью и смертью – война, катастрофа).

4. Неприличная по содержанию (негативно характеризующая, типа «дурак, мерзавец»).

Полагаем, что при нарушении условий, когда осуждающее слово может «образумить», а слова осуждения произнесены несправедливо, расходятся с делом, ситуацией, самооценкой осуждаемой личности, возникает переход осуждающих слов в оскорбительные. Меняется их функциональное предназначение: от назидательного («образумить») до крайне унижительного.

Эти слова – цензурные, хотя и относятся к просторечной лексике, а некоторые из них, может быть, даже литературные, однако применительно к конкретному человеку их употребление является «вызовом» общественной морали и воспринимается «конкретным» человеком в силу этого как оскорбление.

Например, слова типа *мерзавец, негодяй* относятся к лексемам категоричного морального осуждения. Какова степень инвективности, например, слова *мерзавец*? Денотативная ситуация такова: *‘Некто в своей газетной статье задел честь и достоинство не конкретной личности, а личности как представителя определенной национальности’*. Результатом воздействия стало письмо к прокурору города. В письме журналист назван мерзавцем.

Слово зафиксировано в словарях с различными дефинициями. Ср.: *мерзавец* – негодяй, безнравственный подлец, развратник; *мерзавец* – разг. подлый, мерзкий человек, негодяй [Ожегов, 1999, с. 351]; *мерзавец* – образовано от «*мерзкий*» – противный, отвратительный, гадкий, плохой.

Слово является родственным глаголу *мерзить*, означающему «возбуждать антипатию, отвращение». С точки зрения словообразования, оно могло быть образовано как от прилагательного, так и от глагола. И тогда *мерзавец* – тот, кто вызывает отвращение. Ср., например: «*На боль я отвечаю криком и слезами, на подлость – негодованием, на мерзость – отвращением*» (А.П. Чехов « Палата номер 6»). Если учитывать последнее значение, *мерзавец* – человек, который вызывает отвращение. Это значит, что тот, кто употребил это слово в тексте, выразил свое субъективное мнение о другом человеке. Это не характеристика реального лица, а то, каким это лицо представляется говорящему. Употребление слова *мерзавец* в литературных текстах – доказательство того, что оно не является циничным по форме. Значит, признак «умышленность» уже отпадает. Слово является литературно-разговорным. Употребление этого слова по отношению к конкретному человеку может противоречить нормам общественной морали лишь в конкретной коммуникативной ситуации. Например, в публичном месте, в газете кто-то сказал, написал, что некто является *мерзавцем*. То есть должны быть такие признаки ситуации, как публичность, умышленность, функция сказуемого (форма утверждения). В быту слова *мерзавец*, *мерзавка* могут использоваться даже как положительные. Ср.: *Вот мерзавец, опять выиграл!* (выражение восхищения). В заявлении никакого негативного образа журналиста не создается, так как одно слово в принципе не может создать речевой «картины». Поэтому степень инвективизации здесь минимальна.

Слово «*негодяй*» имеет в современном русском языке неустойчивое положение на шкале языковой и этической нормативности⁷⁴.

5. Нейтральные слова, выражения, которые приобретают негативный смысл в определенной ситуации.

Для человека, воспринимающего отрицательно оценочное слово, всегда возникает ситуация выбора: интерпретировать выражение либо в обидном, либо в нейтральном для себя смысле, то есть быть или не быть оскорбленным. К примеру, лексемы с исходным значением, не ориентированным на конфликтность (из тематических групп наименований животных (*осел, козел, баран, свинья*), насекомых (*паук, комар, муха*), растений (*дуб, липа*), названий профессий (*сапожник, мясник*) и т.п.), в агрессивном диалоге приобретают новые значения по принципу ассоциативных связей [Кусов, 2004].

Обидеть человека можно и без применения брани – интонацией, невербальными средствами, а также, казалось бы, нейтральным словом, которое в

⁷⁴ См. пример исследования: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://siberia-expert.com/index/negodjaj_nd_golev/0-56

иной ситуации выглядит совершенно безобидным, как, например, слово «*графоман*».

Полагаем, что неприличность следует отнести к текстовой категории конфликтного дискурса. Эта категория включает прежде всего нецензурную лексику, а также лексику, являющуюся потенциально конфликтогенной. К ней можно отнести слова, имеющие стилистические и социальные пометы: презрительное, вульгарное, бранное, пренебрежительное, жаргонное, грубое, просторечно-бранное и т.п. Категоризация такой лексики как неприличной детерминируется присутствием ей оскорбительным потенциалом. Наивысшую степень инвективности имеет сквернословие, грубая брань, вульгарная лексика, указывающая на человеческий низ, грубый жаргон. Неприличными могут быть не только слова, но и формы выражения коммуникативного содержания: интенции, речевые стратегии, тактики, жанры, речевые сценарии, коммуникативные установки. Субъективная модальность дискурса тоже может быть неприличной. В связи с этим нам представляется целесообразным расширить понятие «неприличная форма».

Категория *неприличности*, на наш взгляд, может быть признаком такого метаконцепта, как «коммуникативная компетентность». Неприличными в русской культуре (по данным словарей) считаются не только слова, но и поведение, манеры, тон, компания, эмоции, одежда, жесты, спор и т.п. Поэтому свойства языковых средств, которые в дискурсе становятся объектом правового регулирования, следует рассматривать как неприличные.

Языковые единицы характеризуются в следующих аспектах: значение, форма, функция, структура знания, стоящая за значением. В дискурсе проявляются такие свойства языка, как вариативность, контекст, асимметричность. Эти свойства воздействуют на каждый из аспектов языковых единиц, обуславливая их *юридизацию* или *деюридизацию*. Поэтому при определении свойства «*приличная / неприличная форма*» необходимо учитывать все аспекты языковой единицы. На уровне *значения* следует различать прямую инвективу (слова, недопустимые независимо от ситуации общения), слова, обладающие конфликтогенным потенциалом (с пометами «презрит.», «бранное», «вульг.» и т.п.), слова, социально маркированные (жаргон, арг, просторечно-грубое и т.д.), слова, ориентированные на интенции говорящего, направленные на понижение социального статуса индивида (переносные употребления, окказионализмы, прецедентные одиозные имена и т.п.). Среди оценочных слов необходимо различать с диффузной семантикой (*довести до...*), с денотативной оценкой (*рвач, распутник, гомик*), с общей негативной оценкой, демонстрирующие презрение и унижение (*козел, сука, подонок, ласкуда*), менее обидные, воспринимающиеся как книжные (*негодяй, подлец, мерзавец*). К периферии следует отнести тропы и эвфемизмы. На уровне *формы* необходимо различать утверждение, мнение, оценочное суждение (следует учитывать, что мнение тоже может быть неприличным, т.е. некорректным, а утверждение может быть в завуалированной форме). Высказыва-

ния, в которых оценочная иллокуция вторична, мы относим к периферии неприличности. Ядро неприличности составляют высказывания, в которых инвектива занимает грамматическую основу. При этом речевая агрессия выражается в открытой (инвектива в позиции сказуемого) или закрытой (инвектива в позиции подлежащего) вербальной форме. Неприличной может быть и внутренняя форма слова, высказывания, текста. Как показывает исследованный материал, прием оживления внутренней формы создает новую структуру знаний в сознании читателей (реализация воздействия автора): «*Подленко продал душу и город*» (о мэре г. Архангельска В.Н. Павленко). Опираясь на пресуппозицию «*имя собственное как духовная ценность подлежит правовой защите*», выделяем имя собственное в качестве средства, подвергающегося юридизации. Фактмены внутренней формы имени собственного (фамилии) становится маркером юридизации. Так, фамилия Павленко была заменена на фамилию Подленко. Нарисательное слово «подлый», «подлец» является просторечным, грубым и оскорбительным. В тексте возникает и последующее наложение смыслов (контаминация). Внутренняя форма имени «*Подленко*» актуализирует высокую степень инвективности: «*подлец*» – «*подлый человек, негодяй*» [Ожегов, 1999, с. 537]; к тому же такая окказиональная символизация производящего слова актуализирует деривационный смысл – директиву: «*не следует доверять политику с таким именем*» (опора на стереотипное восприятие подлецов). Иногда внутренняя форма слова актуализируется внутренней формой всего текста, его идеей. Так, в статье «*Прочь, идолище поганое!*» содержится высказывание «*Это случилось в 2004 году, когда sereneкий директор молокозавода, смотревший на нас с рекламных тумб, спрятавшийся от публичных дебатов, получил 70 процентов голосов*». Внутренняя форма глагола «*случилось*» маркируется идеей всего текста: *губернатор случайно открыл нужную дверь в нужное время* («*Прочь, идолище поганое!*» // «*Правда Северо-Запада*», № 51, от 14 декабря 2005 года).

Внутренняя форма слов (в том числе инвективных), высказываний, составляющих какой-либо конфликтный текст, коррелирует с глубинным уровнем концепта <словесное оскорбление>, а значит, является одним из важных факторов юридизации. Выявление внутренней формы слова, высказывания, текста помогает уточнить коммуникативное намерение автора, адресанта, поскольку внутренняя форма служит репрезентантом языкового и внеязыкового знания. Актуализация внутренней формы способствует интенсификации речевого воздействия и повышает степень инвективизации речи.

На уровне **структуры знания** к неприличным следует отнести концептуальные признаки, пропозиции, речевые сценарии, представления и т.п., которые формируют негативный социальный образ адресата. Проиллюстрируем это положение посредством следующего конфликтного дискурса. Нарушивший правила дорожного движения адресант в разговоре с лейтенантом милиции использовал **несколько речевых тактик**, детерминируемых собст-

венной пресуппозицией (установкой на свой высокий социальный статус): *«Лейтенантики, вы все дуболомы, всю жизнь и оставайтесь со своими копейками, а я в 20 лет уже был генеральным директором»*. Фраза маркирует речевую **стратегию дискриминации лица по социальному статусу**. Говорящий подчеркивает свое материальное превосходство (*оставайтесь со своими копейками*) и высокий социальный статус (*в 20 лет был уже генеральным директором*). Данная речевая стратегия направлена на унижение чести и умаление достоинства лейтенанта милиции, заработная плата которого гораздо меньше оплаты генерального директора. Здесь же дана негативная оценка умственных способностей лейтенантов. Слово *«дуболомы»* реализует **стратегию дискриминации лица по интеллектуальным признакам** и относится к оскорбительной лексике. Поскольку лейтенант милиции в описанной в материалах дела ситуации находился при исполнении должностных обязанностей (был на посту), слово *«дуболом»* реализует также **речевую стратегию дискредитации лица по профессиональным качествам**. Говорящий приписывает лейтенанту милиции неспособность профессионально решать проблемы, с его точки зрения, он может лишь применять физическую силу. Этот вывод обуславливается и употреблением слова *«лейтенантик»*. Лексема *«лейтенант»* является нейтральной и обозначает военное звание человека. Соединение этой лексемы с суффиксом –ИК–придает ей уничижительный оценочный смысл. Кроме того, слово реализует **речевую стратегию дискредитации должностного лица по профессиональным признакам посредством речевой тактики насмешки**. Ср., например, слова *«писатель»* и *«писака»*. Суффикс –АК/а/ подчеркивает несоответствие писателя данному статусу. Так говорят о тех писателях, которые пишут плохо, непрофессионально. Слово *«лейтенантик»* также передает интенцию (замысел) говорящего – унижить адресата, подчеркнув его несоответствие должности лейтенанта, дать ему негативную оценку по профессиональным признакам. Признак уничижительности (направленность на унижение чести и умаление достоинства) актуализируется и всей ситуацией в целом, и фразами, произнесенными говорящим (зафиксированы в протоколах допросов свидетелей).

На уровне **функции** к неприличным мы относим языковые средства, призванные вызывать рефлексию, направленную на понижение социального статуса адресата и актуализирующие речевые стратегии и тактики, маркирующие агрессивное речевое поведение. Например, неприличной является инвектива в функции обращения (*Юрьев-Альхен, куда делись бюджетные деньги?*), сравнения (*прост, как сатиновые трусы*), перифразы–подлежащего (*смелый заяц удобен в использовании*), приложения (*У журналиста, мерзавца, хватило наглости говорить от имени всего народа*). Таким образом, категория неприличности является текстовой, и ее можно представить в виде функционально-семантического поля (концепция А.В. Бондарко), включающего неоднородные языковые и дискурсивные средства. Границы ядерных и периферийных средств выражения неприличности подвижны и зависят от

типа дискурса, жанра, интенции говорящего, субкультуры адресата и адре-санта.

Библиографический список

1. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул, 2009.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. - СПб., 1992.
3. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юриди-ческом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 8–40.
4. Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М., 2001.
5. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный кон-цепт. – Волгоград, 2004.
6. Сидорова Т.А. Методики исследования имплицитных смыслов в конфликтных текстах // Материалы научно-методологического семинара молодых ученых "Традиции и новации в университетском образовании в условиях модернизации высшей школы в России. - Архангельск, 2008. – С. 32–39.

Словари

1. Большой словарь русского жаргона / под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной. - СПб., 2000.
2. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего аргю. – М., 2003.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь современного русского языка. – М., 1999.

Художественная литература

Чехов А.П. Палата № 6. – М., 1968.

Источники

- «Где деньги, мэр?» // «Независимый взгляд». – № 22, от 29 июня 2005 года.
- «Огнемёт, бюджет, любовный треугольник» // «Правда Северо-Запада». – № 42, от 12 октября 2005 года.
- «Прочь, идолище поганое!» // «Правда Северо-Запада». – № 51, от 14 декабря 2005 года.
- «Экс-губернатор: Дорогая пропaja» // «Руснорд». – от 27 апреля 2008 года.

Интернет-источники:

http://siberia-expert.com/index/negodjaj_nd_golev/0-56
<http://www.cjes.ru/lenta/view>.